

Р 556

№ 4 МОСКВА МАЙ 1933

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Рис. М. Храпковского (тема М. Глушкова)

12

СТАРЫЙ СЛУЖАКА — А-я-яй!.. Самое главное-то и забыли!.. Кто же в поле узнает, что вы ответственный работник...

КОЗЬМА ПРУТКОВ И Я

Когда в толпе я вижу человека,
На моем фрак
(вар. который наг),
Чей лоб мрачной туманной Казбека
И мутен зрак...
Козьма Прутков.

Когда на белый лист уставя взор свой
Пред письменным столом иль за бюро,
Я с непередаваемым упорством
Грызу перо;
Когда в стихе от самой первой строчки
Я замечаюсь вдохновенно, чтоб
Найти врага,
и, доведя до точки,
ударить в лоб;
Когда ишу достойных выражений

И, так сказать, необходимых слов,
Тогда
встает передо мной твой гений,
Козьма Прутков!

Когда в иных ученых разговорах
Какой-нибудь засушенный урод,
Набрав цитат невероятный ворох,
Дает им ход,
И выпреннее завершая слово,
Сам от своих познаний без ума,
Тогда тебя я вспоминаю снова,
Козьма! Козьма!
Затем, когда писателя я вижу,
Который приобик с давнишних пор
Классически заверенную жижу
Сдавать в набор;
И в свет идет роман, где пышным знаком
Показан рост прекраснейших идей,
Но не найти под стопроцентным лаком
Живых людей;

Все налицо —
Колхоз и новостройка,
Рецепт приготовления готов,
Но стряпает опять не кто иной, как
Козьма Прутков!

Козьма Прутков!
К тебе я полн доверья,
Тебя я непереносимо чту,
Ты — доживающее лицемерье
У нас в быту —
Воистину самовлюблен до дури.
Ты перелез октябрьский частокол
И место получил в литературе
И в жизнь вошел!
Уж как тебя ни били—так и этак —
Ты все ж —
великолепен и хорош!
Кто знает, через сколько пятаiletок
Ты пропадешь?

АРГО

СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ

Писатель — это я. В смерти своей никого я не виню.

Сегодня вечером зашел я к одному товарищу. Радостно, восторженно и доверчиво сообщил ему, что почти весь день провел на заводе:

— Все цехи осмотрел. Устал, ноги гудят, но какая масса зато впечатлений! Ты видал когда-нибудь электросварку? Вот красота!.. Понимаешь, — фейерверк, феерический фейерверк! А мартены!.. Сталь, понимаешь, сталь! Кипит, точно какое-нибудь молоко на примусе!.. Но смотреть на нее можно только сквозь специальные черные очки, иначе глаза погубишь: нестерпимый жар и ослепительный блеск. А прокатный цех?.. Всего несколько минут, несколько последовательных прокатов, — и вместо болванки вылезает вдруг тонкий железный лист!

— Откуда вылезает? — спросил товарищ.

— Ну, из этого... фу, чорт!.. Рабочий мне называл, да я засмотрелся и прослушал. А вот, кстати, об этом рабочем. Он водил меня по всем цехам и все объяснял. Очень толково! Сам он из прокатного цеха, но, представь, не плохо знаком и с техникой всего производства. Рассказал мне про устройство мартеновской печи, потом — про бессемерование и пудлингование, про такие, вообще, вещи, о которых я и представления не имел...

— Ну, что ж, — сказал товарищ, — ничего удивительного. Теперь много таких рабочих.

— Подожди. Рассказал о вещах, о которых я и не слышал, и вдруг, понимаешь, спрашивает: „Вот вы — писатель, а что вы пишете? Роман-газету не вы сочиняете?“ Н-ну, понимаешь!.. Засмеяться неудобно, а удержаться от смеха — сил нет!.. Однако скорчил кое-как серьезную физиономию и ответил, что до сочинения роман-газеты еще не дошел: пишу рассказы и очерки. А он: „Ага, — говорит, — это значит, вроде газетных статей?..“ Н-ну, знаешь!..

— Что ж тут „ну знать?“ — удивился товарищ. Попался тебе случайно рабочий, который понимает в литературе столько же, сколько ты — в тяжелой индустрии.

— Так то ж индустрия... А то — литература!

— Разница, конечно. Тем более, что сейчас индустриализация страны для нас важнее всего... Кстати, скажи-ка по совести, для чего ты шлындаль на завод? Небось, очерк будешь писать.

Я скромно сознался:

— Не только очерк... Мне еще и агитпесовинку заказали.

— Напишешь?

— А как же? Уже и аванс взял.

Товарищ встал, схватил со стола что-то чугунное, подшагнул ко мне и заявил:

— Револьвера у меня нет... Но все равно, подохнешь ты сейчас, сволочь, лютой смертью! Вот как жарил этот по маковке!..

— Постой!.. За что? — спросил я. — Ведь я же парень-то неплохой!..

— Уж до чего же хороши!.. — сказал товарищ. — А кто сейчас смеялся над рабочим, который не знал, что такое очерк? Скажи, пожалуйста, он издевался над тобой, когда ты расспрашивал его про мартены и электросварку?.. Эх, ты, гусь!..

Я взмолился:

— Ну, пускай я „эх ты“!.. Ну, гусь я, пускай!.. Так за это и убивать?!

— Не за это, — сурово ответил товарищ. — За то, что ты хочешь писать очерк и пьесу, мой миленький! О незнакомом тебе производстве, мой дорогой! Скажи, чертяка: рабочему, который ходил с тобой, пришлось бы в голову читать лекцию о литературе? Молчишь, гадюка?.. То-то! Эх, и стукну сейчас!..

— Может, не надо?

— Необходимо!

— Но у меня жена. Она честная, симпатичная...

— Тем лучше! Уничтожу гнусную преграду на пути симпатичного, честного товарища! Нагнись!

— Без покаяния, значит, помирать?..

Товарищ подумал. Затем сунул мне карандаш и бумагу:

— На! Пиши свое покаяние! Только быстро, а то мне уходить нужно. Я написал. Вот это: то, что вы сейчас читаете.

Прибавлю еще два слова.

Помирать, так помирать, эка невидаль! Но обидно, что не увидят света заказанные мне очерк и пьеса.

И вот еще досада: чего ж ради я, как дурак, целый день по заводу толкаюсь? Нужно мне это было? Эх!

ГРАМЕН

УДАР ПО ЭПИДЕМИИ

После завтрака Иван Васильевич позвонил на службу.

— Я до обеда не приду, — буду на заседании в Облбле. — И со спокойной совестью отправился в универмаг делать покупки к лету.

У Ивана Васильевича уже назревали гнусные летние настроения. Он изнемогал от ленивого одурения, просился на травку и терял способность к продуктивному труду.

Летние настроения — эпидемия грозная. Она появляется обычно весной и свирепствует до поздней осени, сваливая с ног иногда крепких и сильных людей. Болезнь выражается в работобоязни, чудовищной сонливости и начихании. Большой неуклонно стремится к валянию на солнечном пестике или в тени в гамаке. Бессмысленность поступков и обалдение во взоре свидетельствуют о летнем настроении, охватившем больного. Эпидемия наносит сокрушительные удары многим предприятиям и учреждениям, с которыми летом лучше не связываться. Развал работы нежно называется периодом отпусков.

Иван Васильевич, почувствовав приближение болезни, пробовал пить бодрящие напитки, но от этого ему становилось только хуже.

— Тут никакая сила не поможет. Не иначе, как протуберанции солнца вредительствуют. Да и подлые птички. По примеру прошлых лет — сдаюсь!

В универмаге Иван Васильевич сразу воззрился на высоко подвешенный через прилавок могучий белый гамак с великолепными кольцами, кистями и гнутыми распорками.

„Мечта, — подумал восторженно Иван Васильевич, — такая снасть даже мою Сонечку выдержит!“

Гамак был действительно сделан по неопытности юной промартелки вполне добросовестно.

Летние настроения Ивана Васильевича сразу забушевали во всю.

Ему казалось, что он уже лежит в гамаке между двумя березами, оклеенными свежими бланками. По нему плывут входящие и исходящие, не тронутые резолюциями. На организационных схемах-деревьях стрекочут птички-универсуды. Дарюшка несет чай с бутербродами. С шоссе доносятся телефонные звонки велосипедистов. Заседание назначено не скоро: вечером по вопросу о пулке.

— Как прекрасна жизнь! Какое чудесное время — лето!

Иван Васильевич решительно нацелился на продавца. Но продавец решительно был занят разговором с коллегой.

— Как бы не затовариться нам с гамаками: с первого объявлена чистка.

— Да, да... Я сегодня читал газету, сразу подумал: теперь спрос на гамаки будет меньше.

— Зато в книжном отделении товару не напасешься!..

Иван Васильевич давно ждал начала чистки, но свежая весть ошеломила его, словно электрическим током.

„Кто это качается — я или гамак?“ — подумал он.

По всему телу прошла волна легкого озноба. То защитные фагоциты пожирали в его крови бактерии летнего настроения. Через мгновение от заразы не осталось и следа.

Бодрый и освеженный, взглянул Иван Васильевич на гамак, брезгливо пожал плечами и энергично зашагал в книжное отделение. Там уже шел штурм на политграмоты и политэкономии. У штурмующих были энергичные лица, и глаза сияли решительностью и работоспособностью.

Иван Васильевич стал напористо хватать книжки и учебники с алчностью студента, получившего премию книжными талонами.

— И подумать только, — сокрушался он, — еще есть несознательные люди, которые думают не о книжках, а о каких-то обывательских гамаках. И он сгоряча потребовал полное собрание сочинений Карла Маркса.

Так весной 1933 года гнусным летним настроениям был нанесен сокрушительный удар в самом начале эпидемии.

Б. САМСОНОВ

БЛИЗОРУКИЙ

- За что вас исключили из партии?
- За близорукость.
- То-есть как это?
- А так. Работал я председателем колхоза. Было у меня две руки — помощник и счетовод... — Ну?
- Ну, и руки эти кулаками оназались.

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

КУЛАК НА ГАСТРОЛЯХ

По словам венских газет:

„Бюро окончательно вытесняет музыку. Ближайшая и банкротству венская консерватория вынуждена все чаще и чаще сдавать свое помещение для боксерских выступлений“.

Кулак в консерватории это еще не так страшно. В Германии кулак господствует во всех университетах и даже с правом выкидывать профессоров.

НЕЗЫБЛЕНЫЕ ИМЕНА

Как сообщают немецкие газеты:

„Союз изучения Библии“ запрещен в Мекленбурге как „безбожное предприятие“. Союз по, влонам властей, позволил себе научное т.-в. критическое осуждение текстов“.

Спасение Хама и других библейских героев от научной критики — весьма полезное дело, тем более, что от политической критики его никак не укроешь.

ТРИ ПРАВИЛА

Одно из национал-социалистических правил о приеме новых членов в организацию требует, чтобы

вновь принимаемый был молчалив, чтобы бабушка у него не была еврейкой и чтобы он повторил в своих поступках его ближайшего фашистского начальника.

С этой точки зрения любая старая шимпанзе может быть без всяких колебаний записана в организацию: и разговаривать не умеет, и бабушка не еврейка, и насчет подражания не подведет.

Рис. К. Елисеова (тема В. Кулагина)

— Ну, что, устроили своего брата?

— Устроил заведомом в трест. Специальности у него ведь никакой.

ВЕСЕННИЙ СТИХ, ЧТОБЫ СМЕХ НЕ СТИХ

Весна подарапалась,
в окна звеня,
Снег подрыгал ногами
и умер.
И поэтому стал
прорастать у меня
разный зеленый юмор.
Казалось бы,
есть чего веселиться;
о, сколько
солнечных луж разлиты!
А у поэтов —
серьезные лица,
облитые уксусной кислотой.

Что такое?
Где сатирики?
Что за невезение?

Дело мойни,
дело стирки—
в самый раз
весеннее.
Все поля
посевом пахнут,
Скинув
все меха,
в самый раз
сейчас бабахнуть
в барабан
стичка!

Что вы ходите,
как тютчевы,
напуская
важный
жар,
Разве песней
мразь вышучивать—
недостойный,
низкий жанр.

Не одни
вас ждуг
чужачества,
Хватит
залпов холостых!
Разве мало
дрянн всяческой
просто просится
на стих?

Вы уселись
в книжной ризнице,
А пролазы
и воры—
прямо в ручки лезут:
— Высмейте,
ну,
ошпарь меня,
ари!

На врагов
чужого берега
наплесните-на,
труня,
Гильфердинг
стучится в двери к вам:
— Я готов!
бери меня!
Что вы ходите,
как светочи
разных
высших эмпирей,
Ну, а чем
свежее ветоши
ваших строчек
нонпарель.

Ну, а смех,
смажьте многие
песнопевцы
звездных сфер,
Это что —
физи-оло-гия,
пережиток
древних эр?
Можно эпос,
можно лирику,
но сегодня,
в самый раз,
раскохожемся,
сатирики,
чтоб дрожала
рвань и мразь.

Приготовились —
и начали
за дела
крокодилячие.
Забурлит она
и выльется —
наша песня
крокодилица.
Вот уж зубы
шевелият они
звонкими
крокодилятами.

Кулаков и выжиг
выловим
ртом широким
крокодиловым.
Где вредитель
прокодил еще,
вздернет
вилы
крокодилице,
Чтоб не мог
проныра вылезти
из объятий
крокодилистых.

Подымайся,
всюду рыская,
племя смеха
крокодилское!

СЕМЕН КИРСАНОВ

КОНЕЦ КОЧЕВНИКА

На-днях в нашем совхозе случилось происшествие: племенной бык Фомка забодал Гришу Тремутарского, курсанта краевых ветеринарных курсов. Пострадала тыльная часть гришиного организма.

Когда Гришу увели в амбулаторию, мы почему зря стали критиковать Фомку, говоря, что столь несдержанный бык способен убить в человеке весь его животноводческий энтузиазм. Но тут в разговор вмешался старик Облайский, большой оригинал и мыслитель.

— Я лично, — сказал Облайский, — одобряю поступок Фомки и считаю линию быка в деле забодания товарища Тремутарского абсолютно правильной.

— Если вы думаете, что Тремутарский — ветеринар, это вы жестоко ошибаетесь. Он не столько ветеринар, сколько садовод. Впрочем, нет — не садовод, а пчеловод. Хотя какой же он пчеловод? Не пчеловод он, а инструктор водно-гребного спорта! Но, между нами, он и не инструктор. Он просто шельма и прохвост!

Здесь старик Облайский сделал паузу. С нетерпением мы ждали продолжения рассказа.

— Что делал Гришка до ветеринарных курсов? Был на руководящей работе в районе. Почему Гришка вдруг заинтересовался ветеринарией, когда он цыпляет и тех боится? Очень просто, почему заинтересовался: сбежал от трудностей. Не любит Гришка бороться с трудностями, ох, не любит! На охоту ходить и рапорта писать — это он может, а работать по-настоящему — ни-ни!.. Вот он и кочевал с курсов на курсы. Приедет в район, — сидит, молочком отпивается. Но вот возникают трудности. Сейчас же Гришка начинает нудить:

„Хочу учиться, коммунисты должны овладевать техникой...“

Одному шепнет, другому надоест, третьего уприсит. Смотришь, в самый разгар хлебозаготовок едет наш Гришка на курсы пчеловодов. Ему ведь все равно на какие курсы ехать, только бы сбежать. Месяц покрутится на курсах, начинает обратно нудить:

„Такая ценная партийная единица, как я, не имеет права прозябать и пресмыкаться на каких-то аполитичных курсах. Хочу в район, хочу в гущу жизни!“

Одному шепнет, другому надоест, третьего уприсит. Глядишь, опять поехал в район. А там — обратно на курсы. Так и кочевал, пока не попал к ветеринарам. А ветеринары — народ серьезный: послали Гришу на практику руководить опытно-случной кампанией. Остальное вы знаете. Гришка ветеринарно-случной техникой абсолютно не владел. Подошел не с того бока и очутился на рогах обезумевшего производителя.

Выслушав рассказ старика Облайского, мы взяли его в переплет.

— Почему молчал до сих пор о Тремутарском?

И представьте себе, этот оригинал и мыслитель ничего путного нам ответить не смог.

— Я, — сказал он, — собирался разоблачить Гришку да меня Фомка упродил.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

КОМПОТ НА КЕНГУРУ

Во вторник на дверях казанского распределителя ИТР появился маленький плакатик с кратким, но интригующим текстом:

„Сегодня на слона выдается по кило сметаны“.

Организованное население легко и беззаботно прошло мимо плакатика, заподозрив в нем лишь предварительную рекламу к показу устарелого американского кинобоевика.

Но уже на другой день очередной плакатик на том же распределителе оповестил еще более волнующе:

„Сегодня на павиана — полкило меда, на выдру — дамские ботинки и на леопарда — отрез на брюки“.

Дальше пошло уже в нарастающих темпах. Короткие плакатики сменялись каждый день, рекламируя как широкие запасы итровского распределителя, так и многообразие экзотической фауны:

— Сегодня на бизона — дождевой плащ.

— На кенгуру — компот.

— На бегемота — валенки.

Даже местные экскурсанты, изучившие московский зоопарк, терялись в догадках, почему бизону срочно понадобился дождевик, а бегемот затосковал о валенках. Быть может, эта тайна итровского распределителя так и осталась бы неразгаданной, если бы случайно не началось обследование деятельности местного бриза и не выяснилось, что один из рационализаторов в порыве творческого вдохновения не додумался до особой карточки на предмет питания и ширпотреба.

Цифры — это серо, скучно. Красочности нет. Ну, где тут игра воображения: шерстяные носки на № 211 А каким бытовым сползанием звучит это унылое № 17 на консервы...

И вот в количестве нескольких тысяч экземпляров на серой бумаге были отпечатаны продуктовые и ширпотребные карточки, где вместо скучных цифр стояли волнующие названия: зубр, морж, пантера, пума... Дальше — плакатики на дверях итровского распределителя. Дальше — недоумение членов ИТР. Дальше — обследование и роковая складка печали и горькой иронии на лбу обиженного рационализатора-изобретателя:

— Эх, разве у нас можно оторваться от серого, скучного языка будней?.. Какую идею сгубили... Да ведь в Америке бы!.. Эх, да что там!..

А. БУХОВ

Рис. Л. Бродаты (гома М. Глушкова)

В Китае и американский лагерь при бомбардировке упала японская бомба.
(из газет)

— Покупатель, будь внимлив с продавцом.

Рис. Ю. Ганф (тома Л. Гаврилова)

Дело слушается при закрытых дверях.

Каждый хвалит тот вид спорта, которым он увлечен.

Когда теннисисту предлагают сыграть в волейбол, он высокомерно улыбается и поправляет складку на своих белых штанах. Из этого ясно видно, что он считает волейбол занятием грубым, вульгарным, недостойным выдержанного спортсмена из непроизводительной ячейки.

Городошники возятся у своих квадратов, бормочут странные медвежьи слова: „тыка“ и „ляпа“, мечут окованные медью дубины и в восторге бьют себя по плоским ляжкам. Вид у городошников совсем не спортивный. Длинные черные штаны и развалистая походка делает их похожими на грубиянов-шкиперов из маленькой гавани. Они всем сердцем преданы городошническим идеям. Когда они видят теннисный корд, над которым летает легкий белый мячик, их разбирает смех. Можно ли в самом деле заниматься такими пустяками!

Легкоатлет, делая прыжок с шестом, возносится на высоту третьего этажа и, конечно же, с такого птичьего полета и теннис, и волейбол, и городки кажутся ему занятием пигмеев.

Мастера гребного дела мчатся по реке в элегантной восьмерке. Их подбородки прижаты к высоко поднятым голым коленям, легкие вдыхают самый лучший из озонов—речной озон. И когда они смотрят на берег, где в пыли бегут спринтеры, где толстяки, обливаясь потом, поднимают двадцатипудовые буферные тарелки на чугунных штангах,—они еще сильнее взмахивают веслами и уносятся в голубую даль. Это—люди воды, члены профсоюза и корсары в душе.

И где-то за дачными заборами, положив портфели на зеленые скамейки, люди с серьезными бородками стучат крокетными молотками, выходят в „разбойники“ и хватаются за сердце, когда полированный шар застревает в „масле“. Эта игра умирает, но есть еще у нее свои почитатели, последние и беззаветные поборники крокетной мысли.

Итак, каждый хвалит тот вид спорта, которым он увлечен.

Но вот на большом травяном поле, за амфитеатрами стадиона „Динамо“ раздается хватающей за душу томный четырехзвучный судейский свисток, возвещающий начало большого футбольного матча.

И разом все преобразается.

Где ты, гордость теннисиста! Забыв про свои получемберленовские манеры, про любимые белые штаны с неувядаемой складкой, теннисист цепляется за поручни трамвая. В эту минуту он уже не теннисист, он барс. Оказывается, что под внешней оболочкой теннисиста бьется честное футбольное сердце. Он болельщик. Скорей же на трибуну, в гущу других болельщиков, в гущу громких споров о достоинствах состязающихся команд!

Что за толпа бежит по улице тяжелой пехотной рысью? Это спешают на стадион бывшие ревнители городошной идеи. И на брошенной ими площадке сиротливо валяются богатырские дубины. Начхать городошникам на городки в этот высокаторжественный день. Футбол! Только футбол!

Толстяки, манипулировавшие буферными тарелками, поднимают целые трамваи в стремлении попасть поскорее на трибуну. Они волокут за собой своих жен, объясняя находку великую разницу между офсайтом и инсайтом.

— Инсайт, понимаешь ты, бывает правый и левый, а офсайт, понимаешь, бывает справедливый и несправедливый.

А жене хочется в кино. Ей трудно усвоить эти тонкости. Но футбол свое возьмет, и через час женщина будет кричать нечеловеческим голосом:

— Неправильно! Судья мотает!

И возможно даже, что это хрупкое создание вложит два пальца в розовый ротик и издаст протестующий индейский свист.

Вообще, болельщики все до одного и всегда считают, что судья выносит неправильные решения, что он нагло покровительствует одной из сторон и что на поле происходят большие неполадки. Вот, если бы судил он, болельщик, тогда все было бы хорошо!

А на асфальтовой дороге к стадиону толпы все густеют. Вытаращив глаза и награждая друг друга радостными пинками, бегут мальчишки, самые преданные, самые верные приверженцы футбола.

Е БОЛЕЛЬЩИКА

ОГЛАСКА НЕВЫГОДНА

Из водных станций, натягивая находку штаны, выбегают пловцы. Они кидаются в автобус, как в воду, с молниеносной быстротой. Ухватившись за потолочные кольца, они болтаются от автобусной тряски и долго еще на их ресницах висят чудные полновесные капли воды.

Забыв английские уклады крокета, возбужденно подсакивают на своей трибуне люди с серьезными бородками. Они плохо разбираются в футболе (не тот возраст, да и молодость прошла за преферансом по четверть копейки), но, оказывается, они тоже не чужды веяниям эпохи, они тоже волнуются и кричат противными городскими голосами: «Корнер! Корнер!»—в то время как корнера в помине нет, а судья назначает штрафной одиннадцатиметровый удар. Минута страшная для просвещенного болельщика.

Игра началась, и судья осторожно увертывается от тяжелого и быстрого полета мяча. Игроки скатываются то к одним воротам, то к другим. Вратари нервно танцуют перед своими сетками.

Трибуны живут полной жизнью.

Уже вперед известно, по какой причине трибуны будут хохотать.

Первым делом мяч угодит в фотографа и именно в то время, когда он с кассетой в зубах будет подползать к воротам, чтобы заснять так называемый критический момент. Сраженный ударом, он упадет на спину и машинально снимет пустое небо. Это бывает на каждом матче и это, действительно, очень смешно.

Затем несколько десятков тысяч человек засмеются потому, что на поле внезапно выбежит собачка. Она несколько секунд носится перед мячом, и (вот ужас!) игра начинает нравиться даже ей. Она взволнованно и радостно лает на игроков и ложится на спину, чтобы ее приласкали. Но собачка получает свое. В нее попадает мяч и, перекувыркнувшись раз двадцать, она с плачевным воем покидает поле.

В третий раз трибуны смеются над волнениями одного суперболельщика. Забыв все на свете, он подымается с места, кричит: «Ваня, сажай!», и так как Ваня не сажает, а мажет, и мяч ударяется в штангу ворот, то суперболельщик начинает рыдать. Слезы текут по его широким щекам и капают с длинных усов. Ему не стыдно. Он слишком потрясен поведением мазуна, чтобы заметить, что на него со смехом смотрят двадцать тысяч человек.

Наступают последние 15 минут игры. Напряжение достигает предела. По воротам бьют непрерывно и не всегда осмысленно. Команды предлагают бешеный темп. Трибуны кипят.

Болельщики уже не хохочут, не плачут. Они не сводят глаз с мяча. В это время у них можно очистить карманы, снять с них ботинки, даже брюки. Они ничего не заметят.

Но вот очищающее влияние футбола! Ни один карманник не потратит этих последних потрясающих минут, чтобы предаться своему основному занятию. Может быть, он пришел специально за тем, чтобы залезть в чужой карман, но игра увлекла, и он прозевал самые выгодные моменты.

Футбольная трибуна примиряет нежного теннисиста с могучим городошником, пловцы жмутся к тяжелоатлетам, всеми овладевает футбольный дух единства.

Что же касается людей, не занимающихся специально физкультурой, то посещение футбольных матчей до невероятности укрепляет их организм.

Посетитель футбольного матча проделывает в жизни все упражнения на значок «Готов к труду и обороне». Закаленный болельщик вполне готов к выступлению на мировой спартакиаде в качестве участника. Он поставил ряд мировых рекордов в нижеследующих областях:

- а) бег за трамваем по сильно пересеченной местности,
- б) прыжок без шеста на переднюю площадку прицепного вагона,
- в) 17 раундов бокса у ворот стадиона,
- г) поднятие тяжестей (переноска сквозь толпу на вытянутых руках жены и детей),
- д) военизированный заплыв (двухчасовое сидение на трибунах без зонтика под проливным дождем).

.. только одного не умеет болельщик — играть в футбол.

Зато он очень его любит.

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Рис. Л. Бродаты (тема М. Глушкова)

БАНКИР: — Тсс... Не подымай шума, а то владчини узнают, что они разорены!..

Художник Игорь Панфилович Помславский показывал свою новую работу ответственному работнику культмассового сектора Утильсоюза Семену Семенычу Красному. Семен Семеныч, заложив руки в карманы, ошарашенно стоял перед полотном, на котором краски всех цветов были втиснуты в кубы, квадраты, конусы, кружочки, трубочки и т. д.

— Здесь, смотрите, Семен Семеныч. Вот, например, этот мазок. Этот смелый, сочный мазок. Вы отойдите подальше. Так вот. Прищурьтесь немножко. Так. Вот этот, скажем, бесформенный на первый взгляд кусочек. Что он может сказать неискушенному, не совсем культурному зрителю.

— Ничего. Ни-че-го-с.

— Ничего. Правильно,— Игорь Панфилович понизил голос до полупрошота.— А вот это именно и есть мысль...

Семен Семеныч подошел поближе, чтобы разглядеть.

— Тэк, тэ-эк...

— А вот этот мазочек? Или, смотрите, Семен Семеныч,— переломленная струя холодного прозрачного воздуха, пронизанная лучами утреннего горячего солнца. Что это значит? Это, дорогой Семен Семеныч, тоже мысль. Мысль в зачаточном состоянии, когда она еще такая хрупкая и нежная, ломается, как тонкий голубоватый хрусталь в неопытных руках, надламывается в муках сомнений...

— Хм... Прямо не картина, а критика чистого разума,— сказал Семен Семеныч, внимательно и так и этак разглядывая длинную, узкую полосу голубой краски.— А скажи, Горя, что сейчас по новым правилам художник на выставке обязательно должен стоять около своих работ и вот так же объяснять?

— Вы все шутите, Семен Семеныч. Вы человек культурный, и я знаю, что вам это все понятно. Это вы уж так. Ведь главное, Семен Семеныч, главное в картине—символ. Если он понятен, понятно и все остальное...

— Так. А как же познается этот самый символ-то?

— Символ картины это,— Игорь Панфилович понизил голос до полупрошота,— это драгоценный ларчик, который открывается не для всякого.

— Но позволь,— перебил Семен Семеныч,— мы хотим иметь такое произведение искусства, которое было бы понятно всем: и мне и, скажем, жителю Чукотского полуострова. А что это за ларчик такой, что его обязательно нужно открывать со взломом.

— Вы меня не поняли, Семен Семеныч. Я хотел сказать, что как только.. Взгляните хотя бы на этот органный куб с зелеными шариками внутри. Что это? Неужели непонятно? Это, Семен Семеныч, и есть символ. Символ... весны.

Семен Семеныч вздохнул и нерешительно сказал:

— Вот что, а не можешь ли ты, того, сделать мне плакат?

— Плакат?

— Да, да, плакат. По утилю.

— Ах, по утилю. Утиль...— лицо художника презрительно потемнело.

— Да, да, утиль. По утилю. Ты здесь можешь не открывать своего таинственного сундучка или как его там...

— Ларчика,— процедил Игорь Панфилович.

— Да, ларчика. Можешь расписывать плакат всеми цветами радуги. Можешь одухотворить его своей философией красок, мыслью, символом... Одним словом, делай все, что хочешь, но чтобы плакат был культурным, чтобы он звал, убеждал, останавливал и чтобы от взгляда на него кошки не дошли. Согласен? Чего же думать?

— Д-да, я согласен... Завтра сделаю.

На другой день Семен Семеныч с некоторой робкостью входил в комнату художника. Посреди комнаты стоял мольберт, завешанный простыней.

— Ну, как?

— Смотрите! — торжественно сказал Игорь Панфилович и небрежным жестом сорвал простыню с мольберта. Обнажи-

лось полотно. На полотне была изображена дохлая кошка с улыбающейся мордой. В правом углу полотна — старая калоша, составленная из разных цветковых кусков. В нижнем левом углу — человеческая берцовая кость. На хвосте и шее кошки красовались бантики из тряпок. И все это на фоне красного пятнистого мрамора.

Семен Семеныч посмотрел на плакат и попятился.

— Вы поражены? — воскликнул художник.— Это я предвидел. Обратите внимание на символ, Семен Семеныч. Вот это, например, тряпье,— Игорь Панфилович указал на бантики. — тоже утиль? Не правда ли? Так просто бросить тряпку на полотно без всякой композиционной связи было бы по меньшей мере нелепо... но тут у меня блеснула мысль,— Игорь Панфилович радостно засмеялся.— Мысль, вот именно! Я оставил тряпку на шейке и хвостике у кошки... ну так... ну так... точно она... точно...

— Когда умирала, снять не успела,— подсказал Семен Семеныч, все чаще и чаще с тревогой поглядывая на художника.

— Вот именно. Вы гениальны, Семен Семеныч. Гениальны тоже...

— Также? Тэк, тэк. Предположим.

— Теперь дальше. Калоша. Она, то-есть калоша, здесь преподнесена несколько отвлеченно на первый взгляд, но более конкретного, более выразительного придумать было невозможно, хотя, простите, я вам прежде расскажу, почему именно я взял человеческую кость. Человеческая кость действует на зрителей хотя бы потому...

— Извини, дорогой,— заволновался вдруг Семен Семеныч.— Мне того... Надо идти...

— Одну секундочку, одну се... Я хочу...

Семен Семеныч схватил пальто и бросился бежать.

— Куда вы? Куда же вы, Семен Семеныч? Вы дослушайте, дослушайте, Семен Семеныч.

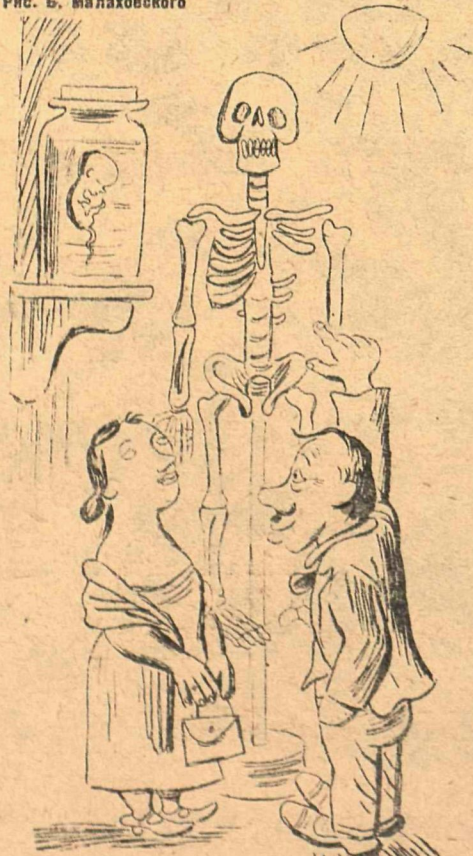
Игорь Панфилович выбежал на лестницу, крича:

— Почему на мраморе, а то не поймут ведь...

АЛ. ГУДКОВ
и ОРЕСТ РОВИНСКИЙ

В МУЗЕЕ

Рис. Б. Малаховского

— Несомненно, жил в Москве и ездил шестым номером трамвая.

ДВА ГРОССМАНА

В. Гроссман в своей книге пространно опровергает утверждения Л. Гроссмана об убийстве драматургом Сухова-Кобылиным француженки Симон де-Диманы.

(Литературная хроника)

Гроссман и Гроссману летит, Гроссман Гроссману кричит: — Гроссман, где б нам пообедать, Как бы нам о том поведать? Гроссман Гроссману в ответ: — Знаю, будет нам обед — В чистом поле, под ракитой, Труп француженки убитой!

АКТЕРСКОЕ САМОЛЮБИЕ

Иерон был выпрение речист, Вообразив, что умирает, Он восклицал: „Какой артист Неоценимым погибает!“

Он, как историк утверждает, Хотел, чтоб римский наркопрес Ему „народного“ поднес!

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

МЕТАМОРФОЗЫ

Председатель колхоза Иван Калиткин сидит перед столом председателя сельсовета и рассказывает об опыте работы колхоза по проведению высококачественного сева. Но председатель сельсовета тов. Рачков недоволен, его возмущает поведение Калиткина. „Выискался учитель тоже. Беспартийный, а учит партийного. Нетактично!“ — думает председатель. — „Надо одернуть“. И одергивает.

— Вы у себя провели. Что вам еще надо. Успокойтесь. Что у вас другой работы нет? А учить нас — найдутся...

Но Калиткин не понимает всей тонкости председательского „най-дуться“, и думая, что председатель его не понимает, говорит:

— Но сельсовет на черной доске. Кроме нас, никто не закончил сев. А если бы по нашему методу развернуть...

— Не ваше дело в селе разворачивать. Партия для этого нас поставила...

— Поставить поставила, а задание-то ведь не выполнили.

Председатель медленно цедит сквозь зубы:

— Ты что, партию критикуешь? — и ехидно протягивает: — А-а!

— Не партию, а тебя.

— Меня? — удивляется председатель. — А я что ж, по-твоему, беспартийный? — Но вдруг взгляд его падает на сложенную втрое районную газету, и у самого сгиба он читает:

„Рачков — председатель Лебединского сельсовета, член партии с 1931 г., за срыв засыпки самфондов исклю...“

„Неужели?“ — У председателя спирает дыханье. А строка обрывается, и продолжение фразы остается за сгибом. Но продолжение слишком очевидно. — „Не показывать виду“ — думает председатель и продолжает уже мягким голосом:

— Ну и ну, ты думаешь, что беспартийный не человек, что он не может иметь опыта, что он не может учить партийного? Не-ет, беспартийный тоже человек. Ты вот выложи свой опыт, я его использую. Вот вместе и снимем сельсовет с черной доски.

Иван Калиткин оживает:

— Мы разбили пахарей на звенья. Сразу работа пошла спорее. Заинтересованность в большой выработке заставляла каждого пахаря подтягивать друг друга. Звено стало контролировать труд каждого пахаря.

— Так-так. Хорошо. Надо будет запомнить. Очень хорошо. — И голос у председателя такой мягкий и взгляд такой внимательный. Очень, очень хорошо, — неискренне радуется председатель и, незаметно переворачивая газету на другую сторону, читает:

„...чительно безобразную организацию труда в колхоз...“

„Только-то?“ — радуется председатель. — „А я-то уж думал“.

— Мобилизовали всех партийцев и комсомольцев...

— Кто же это, ты мобилизовал?

— И я мобилизовал.

— А ты что же — в партии? — ехидно прищурив глаза, спрашивает председатель.

— Нет!

— А почему же ты, беспартийный, мобилизуешь членов партии? Ты что же партией руководишь? А? А? А?

— Ну, слушайте, если желаете, — рассердился Калиткин, — а если не желаете...

— Не желаю. Ты что же думаешь всю сельскую парторганизацию учить? Ты, может быть, еще в районе самого товарища секретаря районного комитета партии большевиков учить будешь?

В гневе тов. Рачков сжимает пучок в кулак и поднимает, чтоб стукнуть для большей убедительности по столу, но нечаянно задевает газету, лист разворачивается, и перед глазами председателя блещут черные строки.

„...зах, снимается с работы, а вопрос о пребывании в партии передается в контрольную комиссию“.

Кулак председателя застывает в воздухе.

— Ну-с, так я слушаю.

А. ЛЕЙБМАН

ЗАЯЦ НА БЕРЕЗЕ

Не надо удивляться, если ваш малолетний сын сядет к вам на колени и ласково спросит:

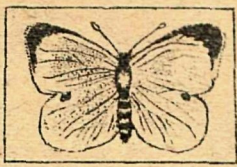
— Папа, а почему слоны живут на болоте и единственный способ борьбы с ними — огородные чучела?

Если это случится, вспомните — не купили ли вы ему сами какой-нибудь игры издательства „Труд и творчество“? Нет ли у вашего сына зоологического лото этого издательства?

Вот он взял в руку неаккуратно отпечатанную картинку с изображением самого нормального честного зайца и захотел прочесть, что напечатано на обороте. А там черным по белому стоят роковые слова:

„Бабочка траурман. Гусеницы ее (черви) живут на березах, ивах и тополях и поедают листья, отчего деревья гибнут“.

„Крот. Крайне вреден для садов. Уничтожают его засыпанием ходов крота губленным терпяником и осколками стекла“.

„Дрозд. Поедает в садах всевозможные ягоды. Моры бербы: 1) стреляют из ружья и 2) ловят в силки“.

Поэтому не сердитесь на своего сына. Не он виноват. Ведь, кроме зайцев на березах, бабочек, в которых стреляют, и жуков, скрывающихся под псевдонимом крота, есть еще ответственные работники издательства „Труд и творчество“, о которых, к сожалению, ничего не сказано на обороте картинок, чем их уничтожают: силками, рубленным стеклом или контролем их лхой и смехотворной деятельности?

КЛИМ УНЫВАЛОВ

НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

(Пейзаж)

Оранжевым диском взметен абажур,
На столе банкера, на постели ажур,
Над ажуром — ажур, над постелью пастель,
Стулья, как челны, кресла — купель.

Налево буфет, а направо софа.
Над буфетом портрет, над софой сова,
Деять слонов из уральских нажней,
И тигр пятнистою шкурой своей,

Как верные стражи у врат, стерегут

И мебель хозяйки и этот уют,
И гипсовых кошек, и плюшевых псов,
И чашечки с надписью „С. Кузнецов“,

Дубовых фаянзов и кресла-качалки,
И ширмы, и тумбу, и пампу с русанной.
И старого баловня этого дома —
Обросшего мохом горбатого гнома,

И всю эту мебель, тепло и уют

Деять уральских слонов стерегут!

Со стены из рам голубого багета

Очень приветливо смотрят на это

И папа, и мама, и шурин, и зять,
Смотрят, как будто желают сказать:
— Как все изящно! И так это мило-о!

Как изумительно все сохранилось!..

Те же собачки, и те же звери,

И та же подковна висит у двери.

И папа, и мама, и шурин, понятно,

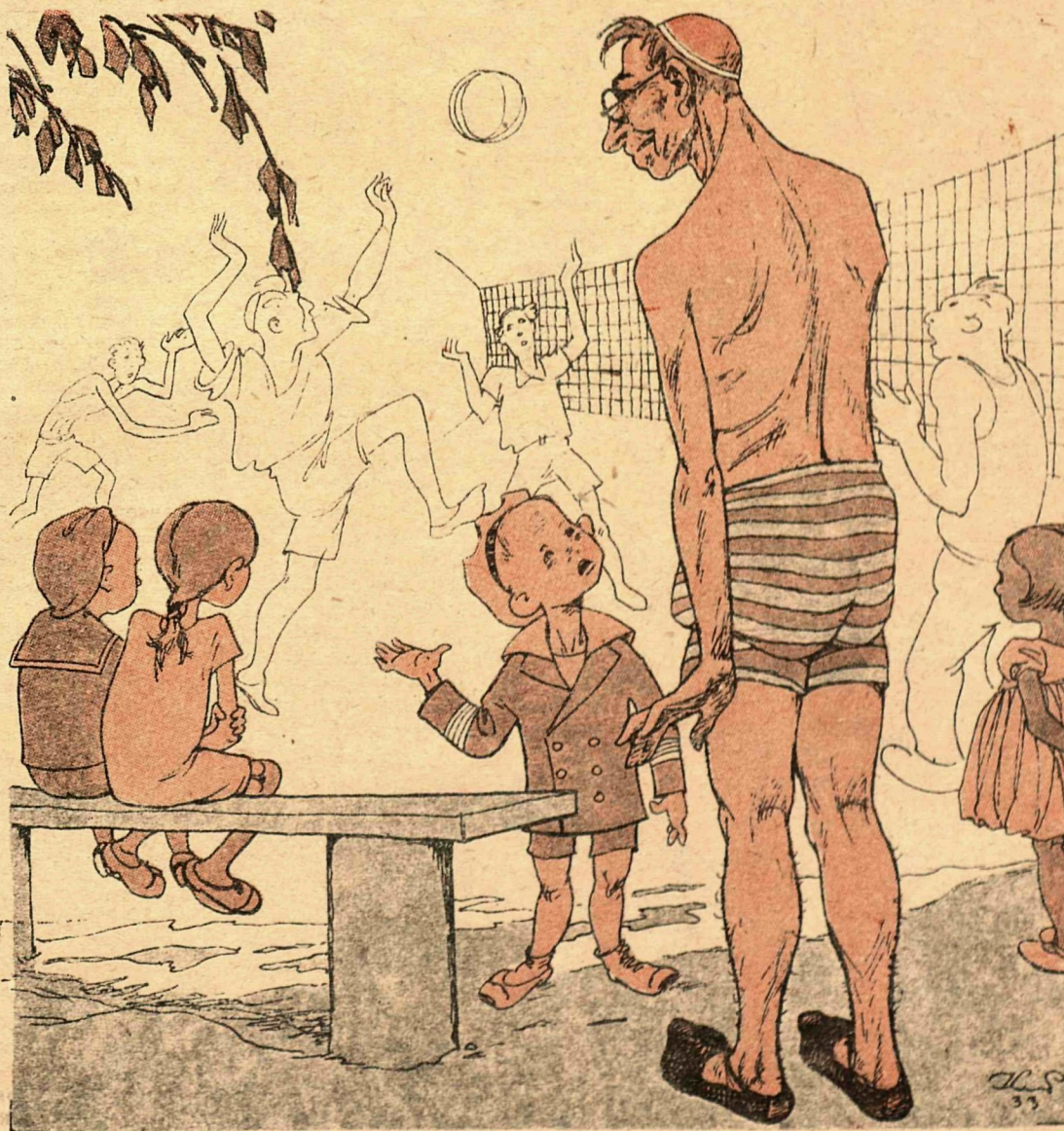
Смотрят и шепчут: „Оч-ч-чень приятно!“

ДМ. УГРЮМОВ

СОЛИДНЫЙ РЕБЕНОК

Все развлечения в парках культуры только для взрослых.

Рис. К. Елисева (тема М. Глушкова)

— Ну, иди, папа, побегай. Я подожду...

Ильича“, Ивановской области. И там у Казанского проявились его настоящие наклонности. Весь товар для кооператива он распределяет лично у себя в кабинете. Взвешивая, конечно, на личности. Казанский, в общем, развел лавочку. Почему бы не назначить его за прилавок в сельпо?

Разумеется, можно. Пусть только помнит заветы Ильича. А то Казанский путает кооперацию с операцией и самостоятельность с самоснабжением.

„ЕСТЕСТВЕННАЯ“ ЭКОНОМИЯ

Некоторые хвастаются тем, что звезды с неба хватают, но о рациональном использовании звезд на земле никто пока не додумался, даже ЦБРИЗ.

И только работники городской электростанции в Таганроге потихоньку мобилизуют звезды для службы на земле.

„На протяжении круглого года днем горит электросвет по улицам города, несмотря на явный недостаток электроэнергии в городе“.

Очевидно по ночам взамен недостающей электроэнергии к работе привлекаются звезды.

Используйте звезды, товарищи, по мере надобности, но не хватайте их без толку.

„ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА“

Для более успешного проведения весеннего сева Отраденская книжная база Райпотребсоюза (Сев. Кавказ) прислала в колхоз „Русь“ следующую литературу:

- I. Общий курс кинематографии, т. III.
- II. Качество в сукольном производстве.
- III. Ковочное производство и т. д.

В обмен на присланную „теоретическую подготовку“ колхоз, без сомнения, командировывает книжной базе кузнеца с подковами; в практической подковке база нуждается гораздо более любого коня.

ПРОИЗВОДИТЕЛИ БРУНДЫ

Читатели райгазеты Бяратинского района, Западной обл., „Путь победы“ утром 12 марта были в чрезвычайном изумлении: снимок, помещенный в газете, и подпись под ним утверждали, что скромный на вид „конюх т. Логинов колхоза им. Сталина № 1 — один из лучших производителей конского стада“.

Это, кажется, первый случай превращения честного конюха в жеребца, но далеко не первый случай, когда номер газеты подписывают неподкованным копытом.

СПРАВКА О СМЕРТИ

Выдана настоящая Сидорову Петру Назовичу в том, что он умер 3 января 1933 года, что и удостоверяется.

Пред. Мошкинск. в/с РУСОВ.

(Сев.-Кавк. край)

Нет сомнений, что председатель Русов близкий родственник того самого чеховского дядька Отлукавина, который новопреставленных писал о здравии, а новорожденных за упокой. Сам же он ни в тот ни в другой список записан быть не может: на покойника он мало похож, а на здорового человека — еще меньше.

ЗАГОВОРИЛО РЕТИВОО

Вопрос о кадрах стоит остро. Правильно расставить силы — дело не легкое. У многого талант служителя нарпита, а он попадает в личные секретари, а другой, прирожденный кассир-растратчик, — смотришь, пошел в драматурги.

Подобное недоразумение произошло с тов. Казанским. Нелегкая забросила его директором совхоза „Заветы

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редакция: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-78-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час.

Подписная цена на журн.—90 к. в м.

Подписка принимается только почтой

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 452.

Сдача текста и рисунков—4/V.

Подпись и печать—9/V.

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 117.60

Уполномоченный Главлита № В — 45194

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 902. Тираж 210.000

Письмо с посевной

„ИСКУССТВО ТРУДЯЩИМСЯ“

Председатель колхоза, потный и злой, хрипел простуженной автомобильной сиреной над телефоном:

— Колхоз Котовского посеял шистна-дцать... Шис... Да слушайте же. Шис-на-дцать!! Да нет... Наказание ты мое!.. Шура... Иосиф... Серафим...

Именно в это мгновение широко раскрылись обе половинки дверей. Фривольный мотив диссонансом врезался в посевную сводку.

„Се-ра-фима,
Ты меня
Не любишь...
Се-ра-фима...
Тру-ля-ля...
Тру-ля-ля...“

— Пардон, не вы ли будете... э-э... председатель местного... э-э... коллективного объединения передовых крестьян?

Председатель скосил глаза на сугубо клетчатую фигуру незнакомца, ошалело смахнул крупные капли пота со лба и с достоинством спросил:

— А вам, так сказать, чего надо?

Незнакомец, глядя поверх председателевой головы, небрежно проронил:

— Искусство трудящимся. Мы приехали вас обслужить. Принимайте!

Председатель не понял, но на всякий случай оживился.

— Это... Так сказать... В каких смыслах? Может, бригада, так сказать?..

Незнакомец снисходительно улыбнулся.

— Конечно. Ударная бригада. В помощь севу. Наш лозунг:

„Сей, пой, веселись,
За урожай большой дерись“.

Председатель смяк. Чуб сам собой полез к носу.

— Значит, так сказать, не сеять?..

Став в позу голкипера, защищающего свои ворота, незнакомец победоносно обвел глазами колхозников.

— Товарищи! Искусство — трудящимся!! Вы трудитесь, мы даем вам искусство. Пониз?

... Ровно в 11 часов вечера, когда в колхозе все, кроме сторожей, уже спали, набираясь свежих сил для завтрашних крепких работ, в хату председателя колхоза кто-то громко застучал кулаками.

Когда дверь открыли, председатель узнал утреннего незнакомца. Он был явно взволнован и возбужден.

— Председатель... Вы нам срываете работу. И какую работу... Посевную...

Дрожа от ночного холода, председатель застегивался.

— Безобр-р-разие!. Мы должны вас обслужить. Двенадцать спектаклей — и ни одним меньше!

Председатель сонно протирал глаза.

— Ну, чего вы, так сказать, хотите?

— Он еще спрашивает! Дайте нам зрительный зал! Мы не можем без зала. Три человека пионерского возраста — это нам не зал. Полной мобилизации всего трудоспособного населения для обслуживания искусством — вот чего мы хотим!

... Остаток ночи предколхоза досыпал в неприятном соседстве, где-то в далеком птичнике

На следующий вечер, возвращаясь с полевых работ, колхозники старались пробраться к своим хатам незаметно. Шли преимущественно огородами. А благополучно добравшись, облегченно вздыхали, сейчас же гасили свет и подпирали двери тяжелыми колодами.

— Ну их... Того и гляди, мобилизуют на это... на обслуживание искусством.

К сожалению, — факт.

Место „приошествования“ — колхоз им. Котовского, Григорьевского сельсовета, Одесского пригородного района.

„Действующее лицо“ — выездная театральная бригада из Одессы.

Г. ШПОЛЯ

НЕПОНЯТЛИВЫЙ

— Как это ты влип?

— Да не разобрался я, что нынче можно и чего нельзя: например, за самообразованием, — поощряли, за самокритику — одобряли, за самодеятельность — хвалили, за самозаготовки — даже премировали. А за самоснабжение взяли, вот, и посадили!..

НЕ ПОВЕЗЛО С ГЕОГРАФИЕЙ

— До чего отсталый у нас сельсовет: лодырем меня считают!.. Вот в Америке меня б, наверное, премировали...

Рис. Л. Гонча (тема К. Ротова)

КУЛАК „ОВЛАДЕВАЕТ“

— Ты что ж это изучаешь технику. Неужели в самом деле работать хочешь?
— А как же иначе узнаешь, что раньше ломать...